

ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Игорь Багрян'

Введение. Обоснование выбора темы

Нарастание Хаоса в политической и экономической жизни большинства развитых и развивающихся стран, отягощенное обострением экологических проблем, выступает главной характерной чертой современного этапа развития человечества. В отличие от государственных деятелей, призванных действовать в реальном режиме времени, миссией интеллектуальной элиты является выявление первопричин феномена Хаоса.

В мировой экспертной среде отчетливо сформировалось два уровня объяснения этого феномена. Один из них можно назвать политико-экономическим. Эксперты этого уровня склонны видеть главную причину Хаоса в специфике Имперского проекта глобализации реализованного США. Другой уровень, идеологический, является, на мой взгляд, существенно более глубоким. Представителей этого уровня объединяет тезис о том, что нарастание Хаоса вызвано исчерпанием идеологической основы западного общества – либерализма.

Настоящая работа ставит перед собой цель кратко представить оба уровня на основе публично выраженных взглядов наиболее ярких их представителей. В соответствие с этими уровнями предлагаемая работа состоит из двух частей:

- Системный анализ глобализационной схемы: США ↔ Мир,
- Исчерпание либерализма и необходимость новой идеологии.

---

¹Эксперт Центрального банка РА, кандидат экономических наук.

Выбор в качестве вышеуказанных представителей только западных интеллектуалов не случаен. Описание негативного влияния имперского проекта глобализации США доведено до логического предела в России. И надо сказать, что большая часть аргументов выглядит вполне убедительно. Но необходимо принять во внимание, что упор на этот фактор во многом объясняется эмоциональным стрессом, пережитым российской элитой в процессе ее сознательного отстранения на задний план. Поэтому в качестве представителей этого уровня взяты работы Эмануэля Тодда «После империи» и Пола Кругмана «Великая ложь». Их обоих сложно обвинить в подсознательной ненависти к США, тем более что П.Кругман является типичным представителем американского интеллектуального истеблишмента.

На мой взгляд, концентрация на негативной роли США не позволяет выявить гораздо более глубокий пласт причин духовно-интеллектуального характера. Анализу этого класса причин посвящены работы И.Валлерстайна. Выбор именно этих 3-х ученых объясняется системной многогранностью их профессионального уровня. Они являются не просто обладателями самых высоких научных званий в сфере экономики, социологии, политологии, которые, по меткому выражению П.Кругмана, в настоящее время свидетельствуют не столько об уровне ученого, сколько о его принадлежности к истеблишменту. Каждый из них известен своей лидирующей принадлежностью к определенной научной дисциплине: Валлерстайн – социолог, Тодд – политолог, Кругман – экономист, специалист по международным финансовым кризисам.

Суть взглядов Валлерстайна вкратце можно представить следующим образом. До распада СССР мировое развитие определялось двумя глобальными идеологиями – коммунизмом и либерализмом. Каждая из них несла в себе, наряду с позитивными тезисами, потенциально негативные саморазрушительные черты. В ситуации их тотального противостояния эти саморазрушительные факторы взаимно сдерживались. Крах СССР и уход коммунизма как глобальной идеологии снимает ограничительные рамки с негативных факторов либерализма. Именно поэтому эту дату Валлерстайн считает началом краха либерализма.

Развернутое проявление этих негативных факторов – рост преступности, снижение рождаемости, рост рождаемости вне брака, снижение уровня доверия в обществе – Ф.Фукуяма назвал «Великим Разрывом».

Большую часть перечисленных негативных явлений можно объединить одним термином – распад семьи. Показательно то, что либерализм поставил под сомнение необходимость самого института семьи. В этом аспекте либерализм кончил там, где когда-то начинали ранние коммунисты – упразднение института семьи и передача воспитания детей обществу. Здесь необходимо отметить, что ранние коммунисты были далеко не первыми в своих взглядах на институт семьи. Платон от лица Сократа в книге «Республика» говорит о том, что семья выступает главным барьером на пути к социальной справедливости. На сходных принципах пытались строить свою жизнь некоторые раннехристианские общины, на которые, по-видимому, оказали значительное влияние традиции одной из еврейских общин – ессеев.

Период краха либерализма Валлерстайн относит к «темной полосе» времени, которую необходимо преодолеть. Радикальным решением здесь является создание новой глобальной идеологии западного мира. Резкое повышение сознательного спроса на новую идеологию уже породило интенсивный процесс формирования целого пласта духовной литературы в США и России. На мой взгляд, это наиболее вероятные места возникновения новой идеологии.

1. Имперский проект глобализации:

США ↔ Мир как важнейшая причина политических, экономических, финансовых процессов в мировой системе

1.1. Системный анализ глобализационной схемы: США ↔ Мир.

Политика, экономика, идеология. Э.Тодд

Этой теме в максимальной степени соответствует работа Э.Тодда «После империи», ставшая мировым бестселлером. Определяя США как глобальную империю, Э.Тодд (здесь с ним солидарны все ведущие эксперты) проводит две исторические параллели с Афинами и Римом. Цель этой аналогии – выделить два этапа в формировании США как Глобальной империи: начальный, мягкий этап, который можно условно назвать Афинским, и современный – жесткий, силовой, агрессивный, без особого камуфляжа демонстрирующий имперские цели – Римский этап.

В период военной угрозы Греции со стороны Персии Афины выступили организационным центром противодействия персидской агрессии. С этой целью был создан Делосский союз греческих городов. Каждый член этого союза добровольно платил дань – форос – Афинам, как главному организатору. В дальнейшем организационная мощь Афин усилилась настолько, что и после устранения внешней угрозы эта дань сохранилась. В этом смысле Афины были своеобразной империей в масштабах Греции. Необходимо отметить, что имперский механизм обложения данью содержит в себе не только положительный, материальный фактор, но и отрицательный фактор, связанный с развращением элиты и деформированием экономики. В дальнейшем морская держава Афины потерпели поражение от сухопутной Спарты.

Рим был изначально военной империей, перманентно расширяющей свою территорию средствами войны. После победы над Карфагеном он стал хозяином Средиземноморья с практически неограниченными ресурсами. Основой Римской империи выступила прекрасно организованная военная мощь.

Тодд выделяет следующие черты, объединяющие элиты всех империй:

- На определенном этапе в аспекте доходов возникает сверхэлита. Американский эксперт Майкл Линдок называет эту элиту *overclass*.
- В аспекте научных интересов имперская элита отличается склонностью к правоведению, политологии, оставляя естественные науки среднему классу.
- Демократия может декларироваться, но в реальности ее становится все меньше.
- Элита стремится создать наследственные механизмы самовоспроизводства.
- Сверхэлита становится наднациональной в том смысле, что одинаково воспринимает собственных граждан метрополий и граждан в других регионах империи.

По аналогии с Афинами США выступали в роли организатора защиты западного мира от СССР. В различных кинофильмах, СМИ, красочно обрисовывались трагичные последствия для Европы в случае ее завоевания СССР. После краха Советского Союза необходимо было найти или создать новую форму угрозы миру. В этом качестве теперь рассматривается мусульманский терроризм. А США выступают лидером крестового похода против ислама. Общеизвестно, что наиболее агрессивное направление ислама – ваххабизм – было создано английской разведкой.

По выражению Тодда, США формируют свой имидж как защитников Порядка в океане Хаоса, который сами же и организуют. Военные расходы США составляют более 30% мировых. К 2006г. они приблизились к 50% мировых. Для психологического подавления потенциального сопротивления имперской политики Пентагон организует «утечку» документов о возможных ядерных ударах по неядерным странам. Пропаганда возможных угроз, скрытая поддержка дестабилизирующих групп во всем мире необходима для того, чтобы западный мир чувствовал себя в состоянии перманентной войны и осознавал постоянную необходимость оборонительного союза. Очевидно, что во главе этого союза должны быть США. Так же как Афины и Рим, США получают в скрытой форме имперскую материальную дань со всего мира.

По сравнению с уровнем своего потребления, экономика США физически производит очень мало. Торговый дефицит с основными партнерами в 2001г. составил: с Китаем – \$83 млрд., Японией – \$68 млрд., Европой – \$60 млрд., Мексикой – \$30 млрд., Кореей – \$13млрд. В импорте США в 2001г. готовые изделия составили 361 млрд., а сырье (энергоносители) – \$80 млрд. Данные по валовому внутреннему продукту (*GDP*) иллюзорны. Здесь Тодд опирается на представителей институциональной и эволюционной теорий, сегодня уже доминирующих в самих США.

По оценке лауреата Нобелевской премии Дугласа Норта, большую часть экономики США составляет транзакционный сектор – юридические услуги, финансовые услуги, страхование. В 2000г. транзакционный сектор составил 128% от реального производства, и эта тенденция только растет, причем не без давления США, во всем мире.

Сверхпотребление США связано еще с одним важным фактором влияния на мировую экономику. По теории Кейнса, недогрузка производственных мощностей и трудовых ресурсов объясняется нехваткой платежеспособного спроса. Этот недостаток призвано восполнить государство через государственные расходы, порождающие мультипликативный эффект спроса. Таким кейнсианским регулятором для мировой экономики выступают США – мировое, планетарное кейнсианское государство. Уровень сбережений американских семей практически равен нулю.

Проблеме мирового спроса посвящена книга лауреата Нобелевской премии Дж.Стиглица «Великое разочарование». В этой книге он упрекает Меж-

дународный валютный фонд (МВФ) за его политику сдерживания мирового спроса. Тодд называет Стиглица либо очень наивным, либо очень хитрым человеком, который делает вид, что не понимает, что МВФ был создан для сдерживания спроса вне США. Таким образом, сверхпотребление США деформирует структуру мировой экономики, адаптируя ее к структуре потребностей США. В результате если количественно или структурно изменится спрос в США, то это отзовется волной кризиса во всем мире. Механизм оплаты сверхпотребления реализуется через фондовый рынок, включая ценные бумаги правительства США и курс доллара по отношению к ведущим валютам. Под идеологическим и организационным давлением США сформировалась мировая финансовая система, центром которой выступает фондовый рынок США.

В 2001г. портфельные инвестиции в экономику США составили \$865 млрд. К моменту кризиса эта цифра намного выросла. Через механизм фондового рынка, курса доллара США посредством увеличения долларовой массы заставляют внешний мир самому оплачивать импорт США. Одновременно растет уровень мировой долларизации, в том числе в форме активов европейских, японских, российских банков, делая их заложниками политики США. После начала кризиса именно структура мировой финансовой системы с доминирующей ролью фондового рынка США подверглась наиболее жесткой критике со стороны как государственных лидеров Европы, России, третьего мира, так и ученых экспертов.

Интересно отметить, что практически все наиболее крупные ученые-экономисты критически оценивали роль фондовой биржи как ориентира и индикатора экономической политики. Достаточно вспомнить высказывание Кейнса о том, что ориентация на биржевые индексы аналогична тому, как если бы фермер планировал свои действия на год по показаниям барометра. Аналогичную оценку дает И.Валлерстайн. После начала кризиса Сорос в своих книгах «Теория рефлексии» и «Алхимия финансов» развернуто описывает механизмы психологической манипуляции биржевыми ожиданиями. Достаточно скептически относится к фондовому рынку и П.Кругман. При этом рядовому и среднему звену финансовых систем остального мира усиленно вдалбливался тезис, что уровень финансовой системы определяется развитием фондового рынка в соответствии с англосаксонской моделью.

Для поддержания спроса на доллар США поставили под контроль рынков нефти и нефтепродуктов, силой навязывая условие их продажи только за доллары. Попытки нарушить это условие неизбежно влекли за собой карательные санкции.

После 1995г. США, по мнению Тодда, больше напоминают Рим, чем Афины. К моменту завоевания Средиземноморья Рим был на перепутье: сохранять собственную экономику или нет? В итоге реализовался второй путь. Из-за дешевого импорта разорились местные производители. В результате образовалась двухслойная структура: аристократы – патриции и плебеи. С течением времени плебей теряет всякие стимулы к труду и становится выражением лозунга «хлеба и зрелищ». Сверхпотребление Рима становится источником спроса для производства во всем внешнем мире. Так же как в Риме, в США идет интенсивный процесс поляризации: отношение доходов 5% самых богатых к *GDP* в 1980 – 15.5%, в 2001г. – 21.9%. По данным журнала «Форбс» 400 наиболее богатых семей в 2000г. стали в 10 раз богаче, чем 400 наиболее богатых в 1980г., несмотря на то, что *GDP* за этот период вырос только в 2 раза.

«Зрелищ», так же как и в Риме, в США хватает. Относительно «хлеба» у среднего американца сохраняется иллюзия, что он адекватно его зарабатывает, поскольку тот факт, что на социально-экономическую систему США, по сути, работает остальной мир, ему неизвестен. В США, так же как и в Риме, были сторонники неимперского, национального государства, автором которого был немецкий теоретик Фридрих Лист: внутри страны либеральная экономика, по отношению к внешнему миру – жесткий протекционизм. Так же как и Рим, США жестко контролируют ситуации с возможным усилением потенциальных конкурентов и образованием многополярного мира. Этими потенциальными конкурентами, по мнению Тодда, являются Европа, Россия, Япония. Китай уже вне пределов досягаемости.

Автор теории конкурентоспособности в США Майкл Портер считает, что экономики Европы и Японии более эффективны по сравнению с США. Под особым контролем находится процесс сближения Германии и России.

По утверждению Валлерстайна, война США (англосаксонского мира) с Германией реально не прекращалась с 1914г. По своей сути это война двух моделей имперского развития. Глубинная основа немецкого менталитета выражается в доминировании духовных ценностей над экономическими, с соот-

ветствующей иерархией элит: духовная, государственная, экономическая. Либеральная же модель опирается на доминирование экономического начала.

Германская культура оказала огромное воздействие на российскую государственность и культуру, в том числе и человеческим капиталом. Со времен Петра I множество немцев переезжает в Россию и становится частью ее элиты. Позже обрусевшие немцы становятся наиболее патриотичной частью русского общества.

Суть американской стратегии по отношению к России, озвученной З. Бжезинским, можно сформулировать следующим образом. Необходимо стереть в памяти русских всякое напоминание об имперском прошлом. С этой целью США всячески демонстрируют свое превосходство над Россией. Американский эксперт Гиллен, сравнивая Китай и Россию, отметил: жесткое и беспорочное внедрение ортодоксального либерализма с помощью американских советников поставило Россию на грань краха. Китай смог этого избежать и процветает.

Чтобы помешать сближению Европы и России, США создали проамериканский клин в Прибалтике и Польше. С помощью ЦРУ идет мифологизация их истории с акцентом на русофобию. Известный американский футуролог Хантингтон считает, что Европе нужна Россия. Этот вывод базируется на том факте, что сегодняшняя Россия не ставит задачу завоевания Европы, так как не обладает для этого ни материальными, ни психологическими, ни демографическими ресурсами. В Европе все более отчетливо понимают, что реальные имперские угрозы исходят от США. И защититься от них может только союз с Россией.

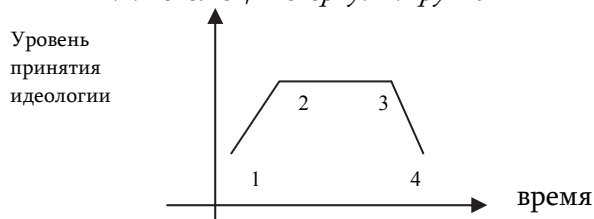
По сравнению с Римом у США есть существенный недостаток. Одним из весомых элементов эффективности Римской империи был институт римского гражданства – принцип универсализации. По эдикту Каракаллы в 212г. римскими гражданами могли стать жители регионов империи. Так создавалась наднациональная элитная зона. Достаточно вспомнить библейский эпизод с апостолом Павлом. Когда его хотела арестовать региональная римская администрация по требованию еврейской общины, он обратился с вопросом: разве вы имеете право так обращаться с римским гражданином? После чего отношение к нему резко изменилось. США до сих пор не выдвинули своей версии имперского универсализма.

Э.Тодд считает, что у США существенно не хватает ресурсов, чтобы контролировать процессы в Японии, Европе, России. Одновременно он отмечает каналы воздействия на Европу: иммигранты (турки в Германии, арабы во Франции); этнические конфликты типа Югославского. Для России серьезной проблемой могут стать религиозно-этнические конфликты; растянутые коммуникации с Центральной Азией, откуда идет поток наркотиков; идеология радикального исламизма.

Будущее покажет, смогут ли Европа с Россией ответить на эти вызовы и сформировать многополярный мир.

1.2. Революция сверху: П.Кругман

В основе идеологии США лежал либерализм. Начальный этап ее истории связан с воспеванием духа свободы, веры в силу личности человека. Тогдашние президенты США не только выдающиеся деятели, но и думающие интеллектуалы – философы высокого уровня, выражающие дух своей страны (участок 1-2 приведенного графика). Тем контрастнее выглядит период от Клинтона к Бушу, рассматриваемый в книге П.Кругмана «Великая ложь». Не все выводы Кругмана и соответствующие им эмоции встречают солидарную реакцию (речь, разумеется, идет о моем личном восприятии). Это относится к возмущению тем, что элита государственного управления (администрация Буша) с презрением относится к основным общественным институтам. В целом такая реакция совершенно справедлива, так как свидетельствует об отходе элиты от базовых духовных ценностей и выступает индикатором начала крушения империи (участок 3-4). Но когда уточняется, что речь идет о механизмах выборов и лежащем в их основе принципе всеобщего равного голосования, это согласие уходит.

Во втором разделе настоящей работы будет говориться о комментариях в самих США относительно этого аспекта демократии. По российским телевизионным каналам транслировался научно-документальный фильм, логично преподносящий мысль о том, что использование такого механизма в

Афинах было нужно реальному их хозяину, Периклу, для оформления своих решений от имени народа. Комментируя институт демократии, Ральф Эперсон приводит ее определение в Памятке военнослужащего США (1928г.) в качестве основы для демагогии и прихода к власти олигархов. К этому следует прибавить информацию из книги «Программирование Разума» известного психолога Элдона Тейлора, в первой части которой рассказывается о механизмах манипуляции человеческим сознанием. В этой книге автор привел две цитаты из книги «Пропаганда», написанной Э.Берстейном – отцом PR-а, племянником З.Фрейда: *«Манипулирование массами абсолютно необходимо для функционирования демократии и соответствующей ее экономике»; «те, кто манипулирует этими механизмами, представляют собой невидимое правительство, которое является истинным правительством».* Как видим, все достаточно честно, открыто и именно в этом сила США – в открытой печати присутствует вся информация. В результате работает библейский принцип: «имеющий уши да услышит».

Темой отдельной и весьма серьезной работы может стать ответ на вопрос о том, почему практически на всем индоевропейском пространстве самые разные общественные системы, от СССР до США, предпочли взять за основу оформления власти этот принцип? В ситуации с СССР это выглядело откровенным фарсом, и представляется очевидной внутренней оценкой политической элиты процедуры выборов. Кругман упрекает Буша и его администрацию за такие высказывания в относительно узком кругу, как «голосование – ерунда», «выборы – формальность». А как еще должен был высказываться Буш, будучи достаточно прямолинейным человеком, об однозначно порочном, абсурдном процессе, уравнивающим совершенно разных по уровню развития людей? Все остальные упреки Кругмана выглядят справедливыми и обоснованными. Во внешней политике США далеко отошли от одного из основополагающих принципов либерализма – толерантности, в смысле терпимости к другим культурам.

Министр и замминистра обороны Дик Чейни и Пол Волфович говорят об упоре на превентивные удары. На практике, эти удары вначале наносятся, а потом объясняются, как это было в Ираке. По этому поводу Кругман пишет, что все обоснования внешней политики откровенно лживые.

Жители бывших советских республик могли бы к этому добавить мощное навязывание США непосредственно и с помощью подконтрольных международных структур типа МВФ институтов рыночной экономики. Причем в откровенно вульгарной, примитивной форме, на уровне «Экономикс», способствующей быстрому разрушению экономики и ее превращению в сырьевой придаток запада. И это в то время, когда в самих США уже были достаточно весомо представлены и эволюционная теория, и институционализм. Никто, конечно, не запрещал думающей части интеллигенции ознакомиться с ними. Но на момент независимости она к этому не была готова. США, взявшие на себя роль нового Старшего брата, могли бы в этом помочь, но поступили с точностью до наоборот.

Кругман уточняет, что события 11-го сентября не были причиной ужесточения внешнего курса. Наоборот: 11 сентября – это часть долговременной стратегии. Он приводит мнение части политологов о том, что борьба с терроризмом – грандиозная сделка, просто многие не хотят в это верить.

Наиболее убедительным Кругман выглядит при описании тенденций во внутренней общественно-экономической жизни. Суть этих тенденций он обозначает распространенным термином «капитализм для избранных». Основой этого процесса выступает сращивание государства и экономики. Его начальной фазой выступил считающийся нормальным, теоретически обоснованным принцип лоббирования. Но, как практически всякий процесс, связанный с получением косвенных, по сути транзакционных доходов, он стремится выйти из-под контроля. С течением времени доходы лоббистов стали составлять семизначные цифры. Современный этап – этап прямого сращивания исполнительной власти и бизнеса. Джонатан Чейс (*The New Republic*) сформулировал это следующим образом: «Правительство и бизнес слились в одно большое “мы”». Редактор сайта *CBS Market Watch.com* формулирует это по-другому: «Маленькая кучка лидеров делового мира осуществляет невероятное давление на Буша, заставляя изменить правовые нормы для своей выгоды». В подтверждение сказанного Кругман приводит скандально известные факты: инвестиционная компания «Карлайн» скупает неработающие предприятия, обеспечивает их госзаказом, ставит на ноги и перепродает. В этой компании участвовали Дж.Буш-старший и семья Бен-Ла-

денов из Саудовской Аравии. Аналогичные скандалы произошли с частью энергетических компаний. Особое отношение к избранным фирмам проявлялось уже при Клинтоне, но было возведено в ранг политики при Буше.

В результате такого сращивания приватизация не только не уменьшает государственных расходов, а может их увеличивать. Таким образом, налицо появление новой политико-экономической элиты – *overclass*. На этом этапе окончательно дискредитируется миф о социальной мобильности – возможности пробиться своими силами наверх. Роль наследственного статуса уже огромна и продолжает расти. Нынешняя имперская элита оставляет после себя не только деньги, но и высокооплачиваемую, престижную работу. Растет пропасть между элитой и средним классом. В этом направлении меняется и система образования по принципу: элите – элитарное образование. Эти изменения затрагивают не только сверхэлиту, но и управление корпорациями. Современная корпорация принципиально отличается от корпораций 25-30 лет назад. По сути, это уже другой институт.

Для первых корпораций было характерно:

- отсутствие резкой разницы в зарплате высшего и среднего звена,
- увеличение стоимости акций не было главной целью; основой управления выступало технологическое развитие и увеличение объема продаж.

В современных корпорациях члены исполнительного аппарата получают в 45 раз больше средних сотрудников. Зарплата менеджера привязана к курсу акций. Это стимулировало создание мощной индустрии «черной бухгалтерии», опирающейся на инструменты фондового рынка. Причем администрация президента пресекла попытки поставить под контроль бухгалтерский учет в корпорациях. В результате «черной бухгалтерии» вырастает курс акций у реально убыточных компаний. Менеджеры вовремя уходят богатыми, а компании разваливаются. Примером является скандал с «Глобал Кроссинг»: глава ушел с 750 миллионами, а компания обанкротилась.

Сочетание «черной бухгалтерии» и фондового рынка экономист Робертсон охарактеризовал как превращение всей экономики в финансовую пирамиду. В этом контексте Кругман, который тоже скептически относится к фондовому рынку, говорит: когда же фондовая биржа вспомнит о законе гравитации? То есть когда вспомнит о реальности.

«Капитализм для избранных» ярко проявился также в налогообложении. В США существует три базовых налога: зарплата, подоходный, на недвижимость. По числу плательщиков сначала идет первый, затем второй и третий. Администрация президента не снижает первый, снижает второй и хочет убрать третий. Выгоды от такого снижения налогов получает около 1% населения. При этом говорится о снижении налогов вообще и стимулировании экономики. Кругман предлагает вспомнить хотя бы о кривой Лаффера: зависимость объема налоговых поступлений от процентной ставки в форме нормальной кривой. Он приводит психологические причины идущих процессов:

- нежелание делать качественные, сценарные прогнозы. Всех устраивает простая экстраполяция, которую в сфере биржевых индексов он называет шизофренией;
- жадность;
- стадное чувство;
- стремление выдавать желаемое за действительное.

В целом, вся политико-экономическая ситуация настолько далеко ушла от основ либерализма, что Кругман называет ее революцией сверху, то есть насильственным переходом. По-видимому, устав от своего, как он выразился, тотального пессимизма, П.Кругман вспомнил о канадском экономисте Роберте Манделле, одна из моделей которого является любимым тестом Центральных банков для своих сотрудников. Р.Манделл известен как автор несовместимой троицы:

1. свобода движения капитала,
2. фиксированный курс,
3. связь денежно-кредитной политики (ДКП) и инфляции.

Выбираются только две позиции из трех. Третья становится производной выбора. Например:

- 1.3 → диктуют плавающий курс: Англия, Канада.
- 1.2 → ДКП не связана с инфляцией.
- 2.3 → контроль за движением капитала. Китай.

Кругман вспоминает Манделла из-за того, что поздний Манделл считает, что валюта должна иметь золотое обеспечение. В конце своей книги он говорит о том, что идеалом для него является Швеция лета 1980г. Лето выбрано, потому что в это время Стокгольм очень красив. В 1980г. в Швеции налоги по отношению к валовому внутреннему продукту (*GDP*) составили 63%, что обеспечило очень высокий уровень социальных гарантий. И это при наличии теоретических утверждений, что при налогах за пределами 30% *GDP* бизнес перестает работать.

Вообще за этими рассуждениями четко проглядывают психологическо-конструктивные различия между жителями Швеции и США. В отличие от «новой экономики» США, которая во многом оказалась следствием надувания финансовых пузырей, в Швеции дело обстояло принципиально иначе. По выражению П. Кругмана, скандинавы и «новая экономика» подходят друг другу, как селедка и отварная картошка. Здесь с ним трудно не согласиться ни в аспекте Швеции, ни в аспекте селедки.

2. Динамика жизненного цикла либерализма: развитие, стабилизация, падение (крах).

Влияние этого цикла на политику и экономику

Легитимность восприятия власти является сквозной, универсальной основой, определяющей ее эффективность на всех уровнях – от семьи до империи. В свою очередь легитимность является обобщенным выражением действия двух факторов: харизматичности представителей субъекта власти; качеством идеологии, объясняющей объекту направление его развития. В той степени, в какой объект воспринимает, разделяет идеологию своего развития, власть обретает смысл в его представлении.

Для обеспечения минимального уровня харизматичности политическая элита США разработала определенные требования к субъектам верхних эшелонов власти, начиная с внешних параметров и кончая характеристиками семейных отношений. Первый фактор работает на подсознательном, ассоциативном уровне: имперский масштаб ассоциируется с физически достаточно представительным субъектом. Учет этого фактора рассчитан на массовое восприятие. Со вторым фактором связана логика здравого смысла. Характер супружеских отношений, духовно- психологические параметры де-

тей, рассматриваются как прямое следствие качеств потенциального субъекта власти, проявленных на минимальном социальном объекте – семье. Оба фактора, безусловно, являются достаточно примитивными гарантиями харизматичности и взяты, так сказать, за неимением лучшего.

С идеологией дело обстоит существенно сложнее. Историческая практика свидетельствует, что жизненный цикл империи определяется периодами подъема, стабилизации, спада восприятия ее идеологии. Это обстоятельство уже выступило объектом теоретических исследований. Работа И.Валлерстайна «После либерализма» посвящена анализу либерализма как имперской идеологии.

С момента своего создания США начали прочно ассоциироваться со свободой. Именно эта устойчивая ассоциация сохраняет остатки их легитимности в массовом мировом сознании. Политическое кредо либерализма очень красиво представлено в Билле о правах человека 1791г.. Вот три из них:

1. все люди созданы равными;
2. правительство учреждают люди для обеспечения жизни, свободы, стремления к счастью;
3. если правительство губительно для этих целей, народ имеет право изменить или заменить его.

В то же время теоретическая доктрина либерализма в США очень быстро выродилась и, по сути, свелась к демократическим механизмам выборов и экономическому «мейнстриму», в основе которого лежит монетаризм.

В одном из научно-документальных фильмов США рассказывалось о периоде формирования института всеобщего (для мужчин) равного голосования в Афинах. Это был период, когда Афинами фактически управлял достаточно богатый и умный индивид – Перикл, и, как уже отмечалось, механизм такой демократии был ему удобен для того, чтобы выдавать свои решения за народные.

Известный американский политолог Ральф Эпперсон приводит следующий интересный факт. В Памятке военнослужащего США 1928г. демократия характеризуется очень нелестно – как среда для демагогии и прихода к власти олигархов. Но эта же памятка в 50-х годах утверждает прямо противоположное. Интересно, что же произошло на отрезке времени между этими двумя документами?

Что касается монетаризма, то сегодня, в период развернутого влияния институционализма, эволюционной теории, синергетики, ругать его стало правилом хорошего тона. Вместе с тем очевидно, что относительная жизнестойкость либерализма лежит глубже приведенных факторов. И именно в анализе этого обстоятельства определенная заслуга Валлерстайна.

Прежде всего он отмечает, что либерализм – это не теория, а метакультура и парадигма мышления, ставшая символом времени. К моменту его зарождения уже были сформированы основные институты капитализма, который остро нуждался в обосновании своей легитимности, через определенную геокультурную среду. Либерализм перевел на политический уровень три главные характеристики экономического мейнстрима: рационализм, эгоизм, равновесие.

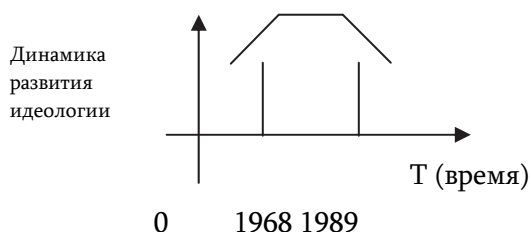
Рационализм означает, что человек по природе (психическому устройству) в состоянии сознательно выбрать цель и разумно соотносить с ней имеющиеся ресурсы. Отсюда мейнстримовское определение экономики как поиска оптимальных решений (лучшего решения достигающего поставленной цели) в замкнутой области возможностей. Здесь уместно привести убедительную критику рационализма сторонниками институциональной школы. Суть ее в следующем: не ресурсы определяют технологию, а наоборот технология – ресурсы. На уровне человека это означает изменить свое представление о ситуации, что приводит также к изменению целей и возможностей. Принцип рационализма на политическом уровне означает тезис, что именно политические реформы – норма, а не революция. Таким образом, либерализм превращает общественное развитие в относительно плавную реформистскую кривую.

В этом контексте Валлерстайн рассматривает слово «революция» (по-английски *revolution*), одно из буквальных значений которого – круговое движение, вращение. Посредством революций осуществляется скачкообразный переход от одного витка спирали к другому. По сравнению с двумя крайними позициям (консерваторами – сторонниками минимума изменений, и социалистами, готовыми идти на радикальные изменения) либерализм занимает место «золотой середины». Это позволяет ему примирить экономическую элиту, которой гарантируется избавление от резких потрясений, и низы, которым предлагается влияние на власть через политические

партии и другие общественные организации. В аспекте элитарности рационализм означает иерархию по уровню образования.

Приведенные факторы являются краткими характеристиками либерализма, обеспечившими его доминирование на определенном отрезке времени. Валлерстайн фиксирует две ключевые даты, первая из которых обозначает начало заката либерализма, вторая – его крах. Таким образом, вырисовывается классическая схема жизненного цикла империи: расцвет, стабилизации, падение. Причем динамике материальных факторов предшествует динамика отношения к идеологии.

Первая дата (1968г.) связана с ситуацией, когда последовательное и искреннее проведение принципа рационализма объективно обращается против властной системы. Валлерстайн отмечает в этом периоде нелинейный рост числа университетов в США, одновременно с подъемом уровня науки в целом при опережающем развитии гуманитарных наук.

На мой взгляд, этот период более ярко и выпукло обрисовал один из ведущих психологов США Р.Уилсон, автор книг «Квантовая психология» и «Восставший Прометей». В начале второй книги он отмечает, что в обеих ключевых империях того периода – СССР и США – сложилась сходная ситуация. В СССР закладывались мощные научные центры в Подмосковье, Урале, Сибири, в которых представители самых различных направлений могли тесно общаться между собой. В политическом аспекте это пришлось на пору ломки старых стереотипов, то есть был своеобразный период либерализма. Это было время, когда и в СССР, и США молодежь получала достаточно качественное образование, ей было позволено думать. Рациональный (научно-аналитический) ум тех поколений естественно подошел к вопросам, затрагивающим смысловые основы политической системы и жизни в целом.

По мнению Уилсона, ни в США, ни в СССР власть не была готова к искреннему диалогу с молодежью. Но проблема управления молодежной

энергией была поставлена. В каждой из империй она была решена по-своему. В СССР большая часть молодежи была охвачена романтическим порывом работы на дальних стройках. В США энергию молодежи концентрировали в направлениях секса, музыки (джаза, рока), спорта. По выражению Уилсона, на какой-то относительно короткий отрезок времени дверь действительной свободы распахнулась, и в нее успели проскочить два-три поколения. В дальнейшем обе системы спохватываются и начинают жестко контролировать ситуацию. В СССР прямолинейными репрессивными методами, в США более изощренными методами психологического воздействия. По мнению Уилсона, и по сей день именно эти поколения вносят наибольший вклад в развитие цивилизации.

Вторая дата (1989г.) – дата краха СССР. Это выглядит парадоксально, но именно эту дату Валлерстайн считает началом краха либерализма. К 1989г. либерализм в США уже носил в значительной мере декларационный характер. Реальный уровень свободы достаточно жестко зависел от принадлежности к определенному элитарному слою. Реальные блага, связанные с гармоничным развитием, прежде всего качественное многостороннее образование, становятся доступными узкому кругу элит. Но весь нарастающий негатив компенсировался альтернативой американского либерализма советскому образу жизни. Крах СССР убирает этот компенсационный слой, и весь негатив начинает выходить на поверхность. Средний слой, объединяющий думающую интеллигенцию, не видит никакой качественной легитимной основы во властной системе. Более того, становится ясно, что это достаточно заурядные люди. Нарастает понимание того, что все вокруг условно, в том числе самые высокие титулы и звания. Рационализм превратил все в количественно оцениваемый товар. Более того, под сомнение поставлен главный тезис либерализма: возможность достигать существенных изменений путем реформ.

Валлерстайн отмечает, что наивная вера в либерализм сохранилась только в бывших республиках СССР. Внутри самой правящей элиты все большее распространение набирает принцип «*Realpolitik*» (нем., автор – Моргентау) – политики, основанной на силе. Период за 1989г. Валлерстайн называет «темной полосой» – время, в котором старая идеология (либерализм) разрушилась, а новая не сформировалась. Задачей текущего момента Валлерстайн

считает приведение США в состояние, позволяющее пройти эту полосу с минимальными потерями. Он называет ряд факторов, которые в условиях отсутствия объединяющей идеологии могут сыграть резко дестабилизирующую роль. Так же как и Тодд, к ним он относит расово-религиозные конфликты, проблему иммигрантов, которые из-за отсутствия корней в данной среде более склонны к антиобщественным поступкам. Тем не менее он не сомневается в окончании периода Хаоса и наступлении нового миропорядка.

Ноябрь, 2011г.

EVALUATION OF THE TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF THE WESTERN CIVILIZATION

Igor Bagiryan

Resume

Intensification of Chaos in political and economic life of most of the developed and developing countries, burdened with the aggravation of ecological problems, is a main characteristic feature of the current stage of the development of humanity. There are two levels of explanation of this phenomenon formed in the world expert community. One of them can be called political-economic. The adherents of the other level – ideological – stick to the thesis that intensification of Chaos is caused by the exhaustion of the ideological grounds of the western society, i.e. liberalism.

This work claims to represent briefly both levels on the basis of the ideas expressed by their most vivid representatives.